

УДК 141.82

Русская революция: духовные основы (Н. А. Бердяев) и количественные характеристики (П. А. Сорокин)

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Н. А. Бердяев и П. А. Сорокин не вписывались в рамки традиционной историографии своего времени, выходили за пределы стандартных методов научного исследования, стремились открыть суть, закономерность революции, заглянуть в будущее. Бердяев исследовал русскую цивилизацию и революцию как явление духа, раскрывал религиозные основы, пределы явления. Сорокин изучал флуктуации с высоты социологии. С этой позиции он, так же как Бердяев в «микромире», вел исследование за пределами отдельного человека, отдельного деяния. Перевод качественных показателей протестов в количественные позволил ему представить график процесса, его европейскую, мировую динамику. Бердяев и Сорокин изучали волнения по-разному, но сошлись в главном: революция является неотъемлемой чертой жизни социума и возникает, когда разрушается система социокультурных ценностей.

Ключевые слова: междисциплинарное, сравнительно-историческое исследование, Н. А. Бердяев, революция, капитализм, социализм, нигилизм, атеизм, Гоголь, Достоевский, Л. Толстой, душа народа, социокультурные ценности; П. А. Сорокин, флуктуации, динамика волнений, качественные и количественные характеристики.

Н. А. Бердяев и П. А. Сорокин: два вектора изучения истории России.

Два выдающихся русских исследователя-обществоведа Николай Александрович Бердяев (1874–1948) и Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) волею судеб большую часть своей жизни провели в эмиграции. Во Франции (Бердяев) и США (Сорокин) они продолжили изучение философии истории и социологии России и мира. Становление ученых на начальных этапах творчества проходило в атмосфере Серебряного века. В науку они вошли с серьезным багажом идей, концепций.

Россияне не были регистраторами фактов, преодолевали пределы текущих знаний своего времени, исторических и социологических концепций, формулировали собственные теорию и метод изучения истории и структуры социума. Они сумели не только понять прошлое и современность России и мира, но и предсказать некоторые черты будущего общественного развития. Методы научного исследования мыслителей имели серьезные отличия. Бердяев искал ответы на вопросы истории в глубинах духа, а Сорокин, развивая качественную теорию общественного процесса как системы ценностей, углублял ее до магии цифр, количественных соотношений.

Оба труженика науки были участниками революционного движения в России и одновременно исследователями проблемы революции, революции в России. Для Бердяева эта тема была сквозной, проходила через все его творчество. Сорокин, в трудах после «Социологии революции» (1925), занимался ею как составной частью масштабного исследования социальной и культурной динамики больших систем.

В преддверии 100-летия русской революции сравним взгляды ее очевидцев и теоретиков Бердяева и Сорокина, высказанные в статьях о русской революции, опубликованных в 1917–1918 гг. (Бердяев), и в книге «Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений» (Сорокин), на революцию в России.

Междисциплинарный и сравнительно-исторический взгляд на историю революции, возможно, позволит глубже понять реалии, из которых страна вышла вчера, в которых находится сегодня, и вызовы, что ожидают Россию завтра.

Н. А. Бердяев: изучение истории и философии русской революции в феврале – начале октября 1917 г. Феномен русской революции интересовал Николая Александровича Бердяева большую часть его творческой жизни. Он начал изучать это явление как факт истории в 1905 г., в момент его рождения, продолжил в феврале 1917 г., сопровождал анализом, оценками, прогнозами на протяжении февральского и октябрьского этапов, а затем в последующие годы возвращался к теме в контексте русской и всемирной истории [16].

В статьях 1917–1918 гг. «Психология переживаемого момента» (Русская свобода, 1917, № 1, апрель), «Падение священного русского царства» (Русская свобода, 1917, № 2, апрель), «О политической и социальной революции» (Русская свобода, 1917, № 4, 17 мая), «Власть и ответственность» (Русская свобода, 1917, № 6, 31 мая), «О буржуазности и социализме» (Русская свобода, 1917, № 8, 13 июня), «Правда и ложь в общественной жизни» (Народоправство, 1917, № 4, 24 июля), «Торжество и крушение народничества» (Русская свобода, 1917, № 14–15, 31 июля), «Кто виноват?» (Русская свобода, 1917, № 18, 19, 30 августа), «Демократия и иерархия» (Русская свобода, 1917, № 24–25, 15 октября), «Объективные основы общественности» (Народоправство, 1917, № 3, 23 октября), «Была ли в России Революция?» (Народоправство, 1917, № 15, 19 ноября), «Мир “буржуазный” и мир “социалистический”» (Народоправство, 1917, № 18–19, 25 декабря), «Личное благо и сверхлические ценности» (Русская мысль, 1917, кн. XI–XII), «О творческом историзме» (Ветвь. Сборник клуба московских писателей, М., 1917), «Духовный и материальный труд в русской революции» (Народоправство, 1918, № 20, 8 января), «Гибель русских иллюзий» (Русская мысль, 1918, кн. I–II, январь, февраль), «Духовные основы русского народа» (Народоправство, 1918, № 23–24, 1 февраля), «Оздоровление России» (Накануне, 1918, № 6, май) и других он сформулировал свой взгляд на революционные события февраля – октября 1917 г. в России.

Историко-философские статьи Бердяева, написанные в ходе процесса, не были хроникой текущих событий, явились результатом размышлений, изложением продуманной и прочувствованной доктрины.

Революцию пытались осмыслить с народнических (эсеровских), марксистских (меньшевистских и большевистских) и других позиций. Бердяев оценивал происходящее по-своему. В статьях, созданных в пылу событий, он постоянно вел прямую и косвенную полемику против большевистской идеологии, теории, стратегии и тактики. Конкретные события, идеи, идеалы революции он рассматривал не в плане их прагматического значения, классового интереса, а через призму духовных начал жизни, истории, духовных и культурных ценностей. Этот взгляд позволил ему прогнозировать развитие процесса, выходить за пределы текущего момента в будущее.

Уже в ходе начавшихся в Феврале 1917 г. «тектонических» сдвигов Бердяев в статье «Свободный народ» (Народоправство, 1917, № 1, 30 июня) подчеркнул особенности своего метода исторического познания, который противопоставлял марксистскому подходу. «Для того чтобы узнать лицо русского народа и судьбу этого народа в истории, – писал он, – нужно присмотреться не к крестьянину и помещику, не к рабочему и промышленнику, не к купцу и интеллигенту, а к скрытому в них русскому человеку, к душе его, которая глубже всех этих внешних социальных оболочек. Эта душа... народа нашла... выражение в великой русской литературе у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевского» [14, с. 557].

Концепция революционного процесса обогащалась в динамике событий, столкновении идей. Ученый неизменно писал о том, что в социализме, по сравнению с капитализмом, есть своя правда, что новый строй как частичный, реформаторский, связанный с русской культурой реален. Но подлинные драматические события в России 1917–1918 гг. не укладывались в эту схему.

Бердяев приветствовал перипетии февраля 1917 г., а углубление революции, ее движение к социалистическому этапу оценивал отрицательно. Февральские события в России исследователь по горячим следам определял как национальную, патриотическую революцию. Чуть позже, в апреле 1917 г., он характеризовал их как «великий переворот» [14, с. 511]. «Секулярную» государственность, которая в ходе революции шла на смену царскому режиму, он считал механической, бездушной. Однако, по его мнению, этот этап истории на пути народа к «высшей жизни» России необходимо было пройти [14, с. 512].

Отрицательное отношение к назревающему в России социалистическому перевороту исследователь начал высказывать задолго до наступления реальных событий. Вскоре после Февраля в статье от 17 мая 1917 г. Бердяев критически оценивал приближающуюся «пролетарскую революцию» как «классовую, антинациональную, антигосударственную» [9, с. 524]. Он не видел оснований противопоставлять «новый» строй «старому», ибо определял цель социализма – достижение «довольства и благополучия в этом мире» – как буржуазный идеал [8, с. 546, 547].

Еще в первых своих работах по истории и философии революции в апреле 1917 г. Бердяев, ссылаясь на «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского, подчеркивал, что она раскрывает диалектику этого движения [11, с. 516]. 13 июня в статье «О буржуазности и социализме» он, опять опираясь на этот

источник, заметил, что новый строй «делает из хлеба религию и за хлеб продает духовную свободу человека» [8, с. 548].

31 июля 1917 г. Бердяев в ходе развивающейся революции в пику марксистской позиции констатировал, что никаких оснований верить в количество, в массе нет. Верить можно только в качество. Он обращал внимание на тот факт, что идеология перемен как раз и была основана на идеализации простонародья, рабочих и крестьян, на вере в их правду и мудрость [15, с. 580, 582–583]. В августе 1917 г. он опять вернулся к этой особенности «духа перестройки», заметил, что русский народ «как субъект тысячелетней русской истории» не определяется классовой структурой, не связан в своей глубине с материальными условиями. Народ, по словам Бердяева, выразился в русском гении, в Пушкине, Достоевском, Толстом, которые принадлежали к культурному слою [7, с. 589].

30 августа 1917 г. в статье «Кто виноват?» (Русская свобода, 1917, № 18, 19, 30 августа) философ говорил о причинах «бедствий», вызванных русской революцией. Острые критики философ направлял против марксизма. По его словам, причины кризиса заключались в том, что русская интеллигенция прониклась ложными «идеями», вычитанными из «немецких книжек», поверила, что «не существует... духовной жизни», а ценности в ней – лишь идеологическое прикрытие материальных интересов [5, с. 615].

Задолго до реального социализма, в августе 1917 г. в статье «Религиозные основы большевизма (Из религиозной философии русского народа)» Бердяев поставил вопрос о большевизме как религиозном явлении. Он рассмотрел это течение мысли, направление в политике и революционной практике как явление духа, мироощущение и мирозерцание, претендующее охватить человека во всех его связях и опосредованиях и распространиться на весь мир [12, с. 593, 594]. Взгляд философа многое объяснял в теории, идеологии и практике нового строя.

Оценка большевизма и социализма как явления духа у Бердяева опиралась на упоминавшуюся «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского и «Повесть об антихристе» В. Соловьева. Он выделял в этих произведениях тот факт, что Великий инквизитор Достоевского и великий филантроп В. Соловьева хотели «осчастливить людей, лишив их духовной свободы» [12, с. 594].

Бердяев оценивал социализм как явление духа антихриста – смешение правды с ложью, представление зла в обличье добра, действие «зла» «во имя блага человечества» [12, с. 595]. По его словам, религия нового строя пленяла «равенством, справедливостью и всемирным торжеством... социальной правды и социального рая» [12, с. 598]. Она приняла искушения, отвергнутые Христом в пустыне [12, с. 596]. В этом, как считал мыслитель, заключалась двойственная суть антихристового духа, описанная Достоевским.

Еще до октября 1917 г., характеризуя принципы начавшейся революции, Бердяев писал, что в этом движении воплотились русский нигилизм, атеизм, материализм, отрицание «духовных начал в личной и общественной жизни» [5, с. 612]. Сформированные русской историей ценности и институты – «церковь, государство, культура» подверглись разложению [5, с. 615]. Народные массы, по словам ученого, вместо идола самодержавия, стали поклоняться идолу пролетариата, соблазнились блаженством на земле, поверили «в фабричный... рай» [5, с. 613].

Н. А. Бердяев: изучение истории и философии русской революции в ноябре 1917–1918 гг. Бердяев признавал правду социализма по отношению к буржуазному строю, но реальную свершившуюся социалистическую революцию не принял. Признав факт «захвата власти большевиками», он доказывал, что это обстоятельство еще не делало революцию социалистической.

В статье «Была ли революция в России?», опубликованной в ноябре 1917 г., он, используя марксистскую логику как критическое оружие, подчеркивал, что процесс буржуазного развития, который теоретически приводит к социалистической революции, на Западе длился столетия, а у нас же якобы свершился за несколько месяцев. Последнее, как в то время думал Бердяев, было невозможно [1, с. 648].

Однако позже, в 1937 г., в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он называл свершившиеся события «народной, социалистической» революцией [5, с. 106]. Социалистический переворот исследователь выводил не из перспектив «светлого будущего», а из ошибок прошлого. Он сравнил эти дни со смутой, определял их как «один из моментов гниения старой России», а ее текущие деяния характеризовал как иллюстрацию к «Бесам» Достоевского. Наблюдая за событиями изнутри, он констатировал, что новый мир отбросил лучшее, а штыки, тюрьмы, корыстолюбие – преумножил.

Революция, по словам Бердяева, истребляла собственную историю и культуру, дело Петра и Пушкина [13, с. 763; 3, с. 732, 733]. Массы руководствовались марксистской идеей, согласно которой «настоящая, добрая история... начинается только с социализма» [6, с. 677]. Революционеры преподносили социализм как цельный, окончательный, тотальный строй, в котором атеизм возводился в ранг религии. Но в этом, по мнению Бердяева, заключалась коренная ошибка большевистской доктрины.

Творческий период 1917–1918 гг. не исчерпывал всей совокупности взглядов Бердяева на революцию. В последующем в книгах «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «О рабстве и свободе человека» (1939), «Самопознание» (1940) и других он корректировал свои оценки – в частности, признал заслуги большевиков в деле сохранения государства от распада и др. В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) философ раскрывал позитивный смысл волнений. По его словам, революция показала, что общество не может жить мирно, если в нем «царят зло и неправда» [4, с. 107, 108]. Но его квалификация духовных основ переворота осталась прежней.

Духовные основы новой России. Свои наблюдения за ходом волнений в России Бердяев подвел в статье «Духи русской революции», которая была написана в 1918 г., но впервые увидела свет в Париже в 1967 г. События текущего революционного времени Бердяев, как уже говорилось, рассматривал с позиций вневременных, «вечных», в контексте религиозных основ истории. В свете этой методологии, примененной к реальной картине революционной повседневности, мыслитель судил революцию, выявил негативные, разрушительные начала, присущие ей, высказал ряд оценок, которые в последующем дополнялись и уточнялись.

Бердяев включил художественные произведения литераторов, исследовавших духовные основы русской культуры, революционного движения в России, в контекст отечественной историографии, философии истории. Он увязал политические, философские искания писателей и их литературных персонажей с реалиями русской революции – ее идеалами, героями. Идеи перестали быть абстрактными обобщениями, существующими вне подлинных событий, конкретного пространства и времени, получили прописку. Анализ духа, данный в литературе, соотнесенный с фактами отечественной истории в ее кризисную эпоху, позволил ему увидеть и раскрыть «последние», глубинные противоречия, которые были заложены в основание нового строя, и предсказать его будущее.

Негативная основа революции, которую видел и описал Бердяев как очевидец и философ, показала идейный, морально-психологический источник, из которого в дальнейшем вырастали политические процессы, вышел ГУЛАГ, появился тип людей, принимавших решения об арестах, расстрелах.

За изменениями внешними, на поверхности жизни – жемами, костюмами, формулами – историк и философ видел «духов» давно минувших лет, старых знакомых – Хлестаковых, Верховенских, Смердяковых. Ученый показал, что прошлое, с которым боролись многие годы, живо и под новой маской работает в настоящем. В революции, в деятельности масс против царизма сконцентрировались и проявились силы, в основе которых лежали начала «старой России». Русскую революцию он определил как болезнь, «таившуюся внутри народного организма», торжество персонажей, описанных Гоголем, Достоевским, Толстым [2, с. 776].

Гоголевские начала русской революции. Бердяев отошел от обычного рассмотрения революции как синонима экономических и политических катаклизмов. Исследование процесса в контексте его духовных первооснов позволило мыслителю увидеть в русской революции гоголевское начало. Он подчеркнул, что критики прежних лет, демократы 60-х гг. XIX в., не поняли глубины откровений Гоголя, истинного направления его мысли. С их утилитарной позиции Гоголь виделся как реалист и сатирик. Но писатель, по словам Бердяева, не был летописцем недостатков дореформенного русского общества. Он говорил о духовных «первоосновах русского народа» – носителях хронических недугов русской истории Чичиковых, Ноздревых, Собакевичах, Хлестаковых, Сквозник-Дмухановских. Именно они определили колорит русской революции.

Интеллигенция, опираясь на утилитарные доктрины, думала, что образы гоголевской России с исчезновением самодержавия уйдут в прошлое. Но революционное сознание не смогло «проникнуть вглубь жизни». Революция явила свету гоголевскую «нечеловеческую, полуживотную Россию харь и морд» [2, с. 780].

И после свержения самодержавия, констатировал Бердяев, духовное ядро народа не могло измениться, для этого не было оснований. Напротив, революция отменила прежние правила, сняла ограничения, и человек явился во всей красе нагишом [2, с. 782].

Хлестаковы революции «разыгрывали из себя важных чиновников» [2, с. 780]. Чичиковы ездили по русской земле и торговали мертвыми душами, «скупали и перепродавали несуществующие богатства... оперировали фикция-

ми, а не реальностями... превращали в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России». Ноздревы заявляли: «Вот граница! Все, что ни видишь по эту сторону, весь этот лес и все, что за лесом, – все мое» [2, с. 781].

В революции, в узком смысле, как это виделось ее очевидцу и «биографу», свершился торг народной душой и народным достоянием, воцарились мошенничество, бесчестность, взятка [2, с. 782].

Но главное, произошедшие перемены, как подчеркивал Бердяев, не могли освободить Россию от Хлестаковых и Чичиковых и прочих, ибо не являлись внутренним духовным переворотом.

Ф. М. Достоевский о русской революции. Бердяев обратил внимание на тот, в годы революции не являвшийся для многих очевидным факт, что «духовные основы», «первообразы» русской революции задолго до реальных событий раскрыл Достоевский. Он, в отличие от Гоголя, исследовал другие особенности «русского духа». Ученый в ходе своего осмысления текущего революционного процесса неизменно апеллировал к творчеству великого писателя. Еще до октября 1917 г., как уже говорилось, он написал статью «Религиозные основы большевизма» и другие работы, в которых обращался к известным романам Достоевского.

В статье «Духи русской революции» (1918) Бердяев продолжил рассмотрение глубинной диалектики отечественной мысли в творчестве Достоевского. Писатель не был согласен с революционными публицистами своего времени в главном – в понимании сути явления. Он считал, что русская революция и социализм лишь внешне выглядели феноменом политическим и социальным, а в действительности в глубине являлись феноменом духовным, религиозным [2, с. 783].

Бердяев расшифровывал диалектику Достоевского, согласно которой социализм в России, говоря современным языком, на ментальном уровне ощущался и творился не как обыденное экономическое и политическое учение, система реформ, а как религия, противоположная христианской. И только в свете этого взгляда, по его мнению, была возможна глубокая, уходящая в будущее оценка революции. Она была дана философом и оправдалась.

Русский социализм, по словам исследователя, никогда не мыслился как временное, переходное состояние. Поворот к социализму означал скачок, окончательное решение судьбы человечества – построение «царства Божьего на земле» [2, с. 785].

Бердяев отметил, что Достоевский в «Братьях Карамазовых» раскрыл духовные первоосновы русской революции, а в «Бесах» – «образ осуществления этой диалектики» [2, с. 790]. Писатель показал, что в революционном социализме действует дух Великого инквизитора. Религия социализма вслед за Великим инквизитором приняла три искушения, отвергнутые Христом в пустыне во имя свободы человеческого духа: соблазн превращения камней в хлеб, социальное чудо, соблазн царства этого мира [2, с. 789]. В этом направлении духа, по заключению Бердяева, состояло главное противоречие социализма.

Философом русского нигилизма и атеизма Бердяев называет героя романа Достоевского Ивана Карамазова, который провозглашает бунт против мира, потому что не может примириться «со слезинкой невинно замученного ребен-

ка». Этот персонаж отвергает историю из-за жертв, которые люди приносят на алтарь культуры, государства. Но сам он хочет исправить «замысел Божий о человеке и мире» посредством бунта, используя все методы и средства, руководствуясь убеждением, что для достижения цели все дозволено.

Носителями этих намерений в жизни, в революции, по словам Бердяева, и явилась армия «русских нигилистов и атеистов, социалистов и анархистов». Она вошла в русскую революцию и на деле породила «неисчислимое количество слез» и страданий [2, с. 787].

В «Бесах» Достоевский описал «исступленное вихревое кружение» в небольшом городке. В дни революции, как заметил Бердяев, это кружение распространилось «по всей земле русской». В нем проявился описанный Достоевским дух «революционного мессианизма» – вывернутый наизнанку «религиозный мессианизм» [2, с. 791]. В центре «революционного беснования» у Достоевского – образ Петра Верховенского, «главного беса революции». «Всюду он в центре, он за всеми и за всех». Он во власти русского максимализма, идеи бунта «во имя всемирного счастья людей». В текущей русской революции, по наблюдениям Бердяева, таких Верховенских, вовлекающих народ «в бесноватое вихревое движение», явилось множество [2, с. 792].

Как предвидел Достоевский и увидел Бердяев, революция в России предстала «безрадостной, жуткой», без «возрождения», торжеством «шигалеващины». В ней правил бал Федька-каторжник, господствовали «право на бесчестье», «стыд собственного мнения» и отрицание образования и науки. В революции выплеснулась наружу через край жажда разрушения «старого» мира [2, с. 793].

Русские революционеры – максималисты, которых Бердяев знал лично, видел воочию, – смотрели на мир и действовали в духе Шигалева и Смердякова – лакея, ненавидевшего родину. Смердяков воплощал «земную» ипостась Ивана Карамазова – носителя философского нигилизма. В революции как движении масс, по определению Бердяева, Смердяковы преобладали. Они на деле проводили в жизнь философские идеи Ивана Карамазова.

Л. Н. Толстой и русская революция. Творчество Л. Н. Толстого и его связь с революцией были иными, чем у Достоевского, Гоголя. Великий писатель не касался динамических начал жизни, обращался к статике. Толстой, по мнению Бердяева, был искателем правды, моралистом и религиозным учителем. Он, как считал философ, «выразил особенности морального склада... русской интеллигенции, а может быть, даже русского человека вообще» [2, с. 798].

В чем заключались эти особенности? В Толстом, как заметил Бердяев, произошла встреча русского морализма с нигилизмом и оправдание нигилизма. Толстой учил морализировать над историей, переносил на нее моральные категории индивидуальной жизни и тем самым подрывал возможности народа жить исторической жизнью, исполнять свою миссию.

Писатель поставил под сомнение «реальность» истории, церкви, государства, национальности, культуры, личности, духовной жизни [2, с. 799]. Он отвергал государство и культуру как источник зла, основанного на жертвах и страданиях, «неправде и насилии». Как максималист, Толстой отрицал историческую преемственность, не признавал ступеней в историческом развитии. И

эта его вражда к государству и культуре «одержала победу в русском народе» и проявилась в революции [2, с. 802].

В толстовском учении, по словам Бердяева, соблазнял радикальный призыв к совершенству, к... исполнению закона добра. Но это его совершенство было истребительным, нигилистичным, враждебным ценностям, безблагодатным. Оно требовало немедленного осуществления абсолютного добра в жизни. На поверку толстовская «абсолютная жизнь», как заметил философ, могла быть только элементарной животной жизнью, протекающей в физическом труде и удовлетворении самых простых потребностей [2, с. 803]. С подачи Толстого народ в русской революции повергал Россию в пустую, отрицательную «абсолютную» жизнь.

П. А. Сорокин: русская революция на фоне мирового революционного движения. Методика исследования волнений П. А. Сорокиным. Большую часть своей жизни Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), уроженец села Турья Яренского уезда Вологодской губернии, русский социолог мирового масштаба, высланный, как и Бердяев, из России в 1922 г., провел за рубежом в США.

Переломным событиям в мире и, в частности, в России Сорокин посвятил исследование «Социология революции» (1925). На новом витке своих теоретических изысканий он обратился к теме «внутренних беспорядков» флуктуаций в мировой истории в книге «Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений» (1957). Эта работа явилась сокращенным вариантом его четырехтомного издания, увидевшего свет в 1937–1941 гг. В основу новой книги ученого были положены статистические сведения 1925–1937 гг. и, по его словам, «добавлены параграфы, в которых кратко описаны наиболее существенные изменения» последующего времени [17, с. 9].

Социолог, используя количественные методы, пытался ответить на вопросы, представляющие трудность для повествовательной историографии. Он стремился заменить оценки типа «великая революция», «небольшое волнение», «кровавый мятеж», «сравнительно бескровные волнения» строгими количественными характеристиками. Исследователь хотел ответить на вопросы, «выпавшие» из перечня традиционной историографии, а именно: являются ли «социальные бури» по сравнению с мирными эпохами явлением экстраординарным, существуют ли страны «спокойные» и склонные к постоянным волнениям и др.

Для ответа на поставленные и другие вопросы он привлек в исследование сведения о «большой части существенных внутренних беспорядков», «описания которых сохранились» (Греция, Рим, Византия, Англия, Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Испании, Польша, Литва, Россия), за весь период наблюдения – с 600 г. до н. э. до 1925, 1933 гг. [17, с. 662, 671, 676, 679]. Полный перечень включенных в исследование «волнений» составил 1 629 [17, с. 670].

Сорокин определил наиболее важные, по его мнению, количественные аспекты проблемы и наделил их единицами счета: размер социального пространства, охваченного волнением, и доля населения, участвующего в беспорядках (от 1 до 100 баллов); длительность волнения (от 1 до 10 баллов); размер и жестокость насилия (5 разрядов) [17, с. 662–665].

Место русской революции в мировой динамике волнений. Социолог не исследовал русскую историю отдельно, рассматривал данные по отечественной истории в общем контексте беспорядков в исследуемых странах, но в комментариях опровергал некоторые утвердившиеся в литературе ошибочные, по его мнению, суждения о России.

Согласно таблице, представляющей «совокупный размер внутренних волнений в Европе с 525 г. н. э. до 1925 г. по 25-летним периодам» (методика его расчета приведена исследователем), и выводам Сорокина, не существует определенной периодичности в росте и спаде внутренних беспорядков. «Их темп... и ритм варьируются от периода к периоду» от пиано (тихо) до форте (сильно) [17, с. 675, 685].

Последняя четверть XIX в. (1876–1900) была очень спокойной (совокупный показатель волнений, по методике Сорокина, составил 599,37). Из 56 25-летних периодов только два имели меньшие показатели волнений. (Для сравнения: самый высокий показатель за весь период наблюдений был равен 2703,23.) Это обстоятельство способствовало возникновению теорий «упорядоченного прогресса» [17, с. 686].

Напротив, следующий период – 1901–1925 гг. – дал резко нарастающую волну внутренних волнений (2071,28). С учетом беспорядков, которые имели место после 1925 г., по словам Сорокина, XX в. явился «самым кровавым» периодом в истории западной цивилизации, «а может быть, и всей истории человечества» [17, с. 686].

На этом фоне революция 1917 г. в России не выглядела явлением, чуждым мировой истории, ложилась в канву масштабного прилива волнений, происходивших в это время в мире. Сопоставив все волнения в изучаемых странах, Сорокин пришел к выводу, что в среднем в большей части исследуемых стран на один год волнений приходилось лишь пять спокойных лет. Одно волнение, согласно его методике, можно ожидать примерно раз в 5–8 лет [17, с. 678]. Россия, согласно этим выводам, укладывалась не в крайнюю, а в среднюю градацию.

Данные выводы подтверждались и при рассмотрении характеристики волнений в упомянутых странах с точки зрения степени их насильственности. Сорокин приводит таблицу, в которой европейские государства поделены по интенсивности революционных процессов на пять разрядов (от 1-го – бескровного до 5-го – самого насильственного). В соответствии с данными этой таблицы, 59 % волнений в России относятся ко второму, «слабонасильственному» разряду, в то время как наибольший процент волнений в Германии (48,7), Франции (43,0), Испании (56,2), Нидерландах (56,4) и ряде других стран относится к третьему, более насильственному разряду [17, с. 681]. Количество беспорядков 3–5-го разрядов (наиболее насильственных) в Германии в сумме составляло – 76 %, в то время как в России лишь 36,3 %.

Анализ Сорокина показал, что оценка совокупности революционных событий в России как особенно кровавых – миф. Социолог представил таблицу продолжительности революционных движений по странам и по разрядам (поделил волнения на 10 разрядов длительностью от нескольких дней до 25 лет). Согласно этой таблице, преобладающим типом волнений для большинства

стран: Греции (42,8 %), Рима (51,8 %), Византии (44,9 %), Франции (39,5 %), Англии (41,4 %), Испании (46,0 %) являлись протесты второго типа – продолжительностью в несколько недель.

К этому перечню стран с преобладающим количеством непродолжительных выступлений второго разряда относится и Россия – 44,0 % [17, с. 682]. Представленные ученым количественные характеристики процесса опровергали распространенное мнение о нациях «недисциплинированных», склонных к беспорядкам, анархии (русские, славяне и др.), и «дисциплинированных», носителей порядка (англичане, французы и др.). Согласно данным Сорокина, в России за весь период наблюдений (с 946 по 1933 г.) в среднем одно волнение происходило в 5,9 года, в Италии (526–1933) – в 5,6, в Германии и Австрии (709–1933) – в 7,5, в Англии (656–1933) – в 7,9 [17, с. 679].

Наблюдая за динамикой волнений на протяжении «всей истории» Европы и России, социолог пришел к общему выводу, что социальные катаклизмы являются «нормальным», неотъемлемым явлением социокультурной динамики.

Заметим, что Бердяев в своих поздних исследованиях, в частности в работе «О рабстве и свободе человека», в разделе «Прельщение и рабство революции. Двойной образ революции» (1939), констатировал: «Революция есть вечное явление в судьбах человеческих обществ... Непрерывность, или ... “органичность” развития есть утопия. “Органическое” гораздо утопичнее и несбыточнее революционно-прерывного» [14, с. 186, 188].

Пики и спады волнений Сорокин объяснил состоянием культуры и системы социальных отношений. Когда культура и система отношений в стране сложившиеся, прочные, внутренние беспорядки имеют тенденцию к уменьшению, когда же культура и система отношений переживают преобразования, внутренние беспорядки возрастают [17, с. 695].

Согласно его выводам, факторы, вызывающие изменения в системе, имманентны самой жизни и «с течением времени приводят любой... строй к разрушению» [17, с. 695]. Плохое правительство, бедность, война и прочее не являются главными причинами революций, могут лишь содействовать усилению или ослаблению волнений.

Волнения возникают при войне и мире, при монархии и демократии, в периоды процветания и обнищания. Главной внутренней причиной волнений, по словам Сорокина, является состояние социокультурной структуры отношений и ценностей [17, с. 697].

Заключение. Ученые, преодолевая эмпирику событий, мнений, стремились понять суть, закономерность революции.

Бердяев смотрел на происходящее и писал как очевидец и философ. Его заключения рождались в процессе событий 1917–1918 гг., соотносились с ними, с русской революцией в «узком смысле» и превосходили их. Последнее становилось понятным не сразу. Как очевидец он многое видел воочию, и это отразилось в его оценках, а как философ смотрел вглубь событий, так, будто они давно минули, словно спустя годы размышлений. Но тогда у теоретика духа еще не было перед глазами итогов процесса, реального социализма, материала для «последних» выводов.

Философ истории в своем исследовании русской цивилизации и революции шел в глубины духа, в микромир. В этом проявлялась специфика и глубина его философского взгляда. Именно там, в душе, по его мнению, зарождались будущие формы событий, были заложены исторические дали и пределы, скрывалась специфика революции и в целом русской истории.

Сорокин писал свою «Динамику систем», когда жар сражений в России 1917 г. уже утих. Он изучал революции, бунты (по его терминологии – флуктуации) с высоты социологии, рассматривал в единой картине совокупность всех волнений, учитывал существенные черты каждого из них, переводил качественные характеристики в единицы счета. С приподнятой над землей познавательной позиции социологии он, так же как Бердяев в своем «микромире», не учитывал отдельного человека, отдельного деяния. Ему открывались контуры, существенные черты всех исследуемых стран и культур (волнений), их количественные соотношения в единой мозаике прошлого и настоящего. Замена качественных показателей флуктуаций количественными позволила исследователю представить на графике строгую динамику процесса. В рамках общего, развернутого во времени «каркаса» волнений открывалась их европейская, мировая динамика. Специфика каждой отдельной и действительно неповторимой революции, к примеру русской, выносилась за скобки, и одновременно вырисовывалось ее суммарное место в ряду других потрясений.

Бердяев и Сорокин изучали волнения по-разному, но сошлись в главном: революция является неотъемлемой чертой жизни социума и возникает в период разрушения системы социокультурных ценностей.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Была ли революция в России? / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 648–654.
2. *Бердяев Н. А.* Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 775–807.
3. *Бердяев Н. А.* Духовный и материальный труд в русской революции / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 732–738.
4. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
5. *Бердяев Н. А.* Кто виноват? / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 611–617.
6. *Бердяев Н. А.* Личное благо и сверхличные ценности / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 673–679.
7. *Бердяев Н. А.* Народническое и национальное сознание / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 585–592.
8. *Бердяев Н. А.* О буржуазности и социализме / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 544–549.
9. *Бердяев Н. А.* О политической и социальной революции / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 523–529.

10. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. – М. : Аст ; Хранитель, 2006. – 637 с.
11. *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 508–516.
12. *Бердяев Н. А.* Религиозные основы большевизма (Из религиозной философии русского народа) / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 591–598.
13. *Бердяев Н. А.* Россия и Великороссия / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 763–768.
14. *Бердяев Н. А.* Свободный народ / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 555–560.
15. *Бердяев Н. А.* Торжество и крушение народничества / Н. А. Бердяев // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. – М. : Астрель, 2004. – С. 579–584.
16. *Маджаров А. С.* История России в теории цивилизаций / А. С. Маджаров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 211 с.
17. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2000. – 1056 с.